

В заброшенном доме Цзы Сюань сидел рядом с человеком, который уже заснул, и медленно повел свою истинную ци в нужном направлении. Когда она, наконец, вошла в его Дантянь, красный цвет в его глазах исчез, туман в его сознании исчез, и разум постепенно вернулся к нему.

В его голове промелькнули похотливые и безумные сцены. Он посмотрел на руки, все еще испачканные небольшим количеством крови, затем на человека, мирно спящего рядом с ним, и на его лице отразился ужас.

Он надеялся, что все, что только что произошло, было фантастическим сном. Когда наступит рассвет, сон закончится так же, как он проснется. Он тихо выпрыгнул из окна, чтобы дожидаться рассвета. Два часа спустя солнечный луч пробился сквозь облака и осветил его лицо, принося тающее тепло, но не смог заставить его показать успокаивающий взгляд, вместо этого заставив его почувствовать, что он падает в пропасть.

Он наконец понял, что предал Будду и своего учителя и встал на Путь Дьявола, поддавшись искушению Дьявола.

Цзы Сюань стоял на крыше, не осмеливаясь вернуться, чтобы встретиться лицом к лицу со своим учителем, и не осмеливаясь войти в комнату, чтобы встретиться лицом к лицу с человеком, который оставался там всю ночь.

Заметив, что дыхание мужчины становится тяжелее и проявляются признаки пробуждения, он быстро убежал и покинул это место, но неожиданно встретил на полпути группу старейшин, которые пришли, чтобы заставить его вернуться в храм.

Чжоу Юньшэн проснулся, не обнаружив Цзы Сюаня. Ему казалось, что он, как и прежде, отправился на поиски пищи. Он лежал на кровати и ждал больше часа, но никто не пришел. Он испугался, что тот наткнулся на засаду, и поспешил на его поиски.

Он обыскал сто миль вокруг этого места и обнаружил, что в лесу повалены большие деревья. Казалось, там были следы борьбы. На стволе было оставлено несколько отпечатков ладоней, что, очевидно, было вызвано мощной алмазной рукой одного из семидесяти двух техников храма Шаолинь.

Цзы Сюаня доставили обратно к его учителю, а не убили, что было хорошо.

Он купил много сухой еды и направился в сторону храма Шаолинь.

В то же время опозоренный Цзы Сюань стоял на коленях в зале заповедей, и его допрашивали настоятель Чжишэн и старейшины.

"Ты предал Юань Ян и сошел с ума". Настоятель Чжишэн проверил пульс своего ученика, и в его глазах отразилась глубокая боль. Ребенок с чистым телом Ян. До тех пор, пока он не встал на неверный путь, он мог практиковать "высший закон Тантры" при жизни, чтобы достичь золотого трона, но теперь все было разрушено.

Цзы Сюань склонил голову, чувствуя стыд и сожаление, и не оправдывал себя. Согласно правилам храма, практик, вставший на путь дьявола, должен отказаться от своих боевых искусств, и изгоняться из храма, но Чжишэн не хотел этого делать. После обсуждения со старейшинами он решил наказать его 300 палками и поместить в пещеру Дхармы на пять лет.

Цзы Сюань выдержал триста ударов палками, и его внутренние раны стали еще хуже.

Неконтролируемая ци вырвалась из его Даньтяня и побежала по меридианам, что заставило его снова превратиться в дьявола. Его глаза были красными, а тело покрыто вздувшимися голубыми венами. Его кожа изменилась с бронзовой на бело-голубую. Он был похож не на человека, а скорее на свирепого призрака. Это можно было описать только как ужасающее.

Монах, отвечавший за его опеку, видел, как он стиснул зубы и молча читал Священное Писание. Казалось, он изо всех сил старается сдержаться. Опасаясь, что если он не сможет сдержаться, то начнет убивать без остановки, он бросился докладывать настоятелю.

Когда настоятель и все старейшины бросились к нему и обнаружили, что он наполовину человек, наполовину призрак, они неизбежно были шокированы.

“Нет, он вот-вот станет демоном! Быстро подавите его!”, - настоятель Чжишэнь взял на себя инициативу сесть, собрав пучок энергии истинной ци на кончиках пальцев и перенес ее в тело Цзы Сюаня, помогая ему переместить свою истинную ци в Даньтянь. Несколько других старейшин заняли свои места и окружили его, затем один за другим передали свою истинную ци.

Хотя несколько лучших мастеров передавали истинную ци вместе, это лишь немного облегчило ситуацию. Кровяные сосуды не рассеялись в глазах Цзы Сюаня, и текстура зеленых вен на некоторое время скрылась, а затем снова появилась на поверхности тела и казалась еще более ужасной, чем раньше.

“Пусть все ученики зала Дзен (зал выбора буддистов, это зал, где буддийские монахи дзен практикуют медитацию) придут, чтобы прочитать Сутру о падении в демонизм. Быстро!”, - громко приказал настоятель Чжишэнь, увеличивая ввод истинной ци. Монахи в зале заповедей за пределами пещеры не смели медлить. Они бросились разыскивать всех учителей и братьев, окружили пещеру Дхармы и в унисон читали Священные Писания.

Стройное нефритовое тело, лежащее в луже крови, постепенно расплывалось. Эти эмоциональные рычания, бормотание, стоны и резкий звук ударов тел были заменены звуками декламации Сутры, которые, казалось, доносились с расстояния девяти дней (будто исходят из небес) и звенели в ушах, делая метафизическое состояние ума Цзы Сюаня ясным и пробуждая его разум.

Он последовал за всеми и присоединился к пению, медленно заставляя красную кровь в его глазах исчезать, зеленые сухожилия на его теле восстанавливаться, беспорядочную истинную ци входить в его Даньтянь одну за другой и возвращался на правильный путь с края пропасти.

Когда Чжишэнь увидел, что его ученик успокоился, он осторожно остановил свою истинную ци и увел всех старейшин прочь. Как только он вышел, он увидел ученика, спешащего к нему, он сложил руки и сказал: “Просветленный настоятель, Демонический мастер пришел к нашей двери!”.

“Хорошо, что он пришел!” - глубокомысленно сказал Чжишэнь и сразу же решил не отпускать Юй Цанхая.

Монахи храма Шаолинь никогда не убивают других, даже если они злые, но люди на демоническом пути не такие.

Чжоу Юньшэн стоял перед дверью храма, скрестив руки на груди. Изо всех сил он крикнул: “Откройте дверь и выпустите Цзы Сюаня!”. Звуковые волны распространились повсюду, можно даже сказать, что весь храм Шаолинь был потрясен двумя землетрясениями. Его голос все еще

был отчетливо слышен за сотню миль отсюда.

Чжишэнь и группа старейшин бросились сопротивляться, поскольку они твердо стояли на месте, в то время как остальные ученики пошатнулись, показали боль, приглушенно стонали или брызгали кровью, и их внутренние повреждения были серьезными.

Цзы Сюань, который уже был в ясном настроении, услышал самый знакомый голос. Стали возникать мысленные образы двух людей, переплетенных в луже крови. Волнующий душу вкус, импульсивные и жестокие столкновения, удовлетворение желания - все эти образы были подобны яду, разъедающему большую дыру в его только что проснувшемся сознании.

Он терпел и терпел, и в конце концов открыл глаза и выплюнул облако крови на камни перед собой.

Ученики за пределами пещеры выдержали атаку звуковой волны, с помощью декламирующих звуков, но было неожиданно, что мастера зала и старейшины были потрясены этим звуком. Они поспешили увеличить громкость и еще сильнее ударили по храмовому блоку (ударный музыкальный инструмент, идиофон, разновидность щелевого барабана. Атрибут буддийского культа).

Зеленые вены на коже Цзы Сюаня всплыли в одно мгновение, затем через некоторое время исчезли. Казалось, он взорвется в любой момент.

“Амитабха Будда, все явления подобны снам и иллюзиям, как роса и вспышки молний. Это правильный способ их восприятия. Все ложь! Он также попросил своих дядю и дедушку не обращать внимания на все ваши предыдущие действия. Если вы откажитесь от всего, то сможете вернуться на берег и восстановить свое золотое тело”. Мастер зала Дзен стоял у входа в пещеру и говорил мягким убедительным голосом.

Дыхание Цзысюаня было прерывистым, а сердце билось с трудом. Однако, когда он вырос в храме, его преданность Будде уже была запечатлена в его костях, и он заставил себя запечатать эти печальные воспоминания основным законом секты Чжэньянь, чтобы он мог вернуться к состоянию без желания, без печали и без радости.

“Амитабха, спасибо вам за совет”. Он сцепил руки вместе, и выражение его лица снова стало безразличным.

Мастер зала Дзен кивнул и улыбнулся, затем повернулся и продолжил петь.

За воротами Чжоу Юньшэн был окружен буддийскими монахами. Но он был в храме своего возлюбленного, так что убивать было нехорошо. Он действовал очень сдержанно и только оттолкнул напавших на него людей и заставил их отлететь назад. Медленно войдя в храм, Юй Цанхай крикнул: “Цзы Сюань, я пришел, чтобы забрать тебя!”.

Несколько старейшин и мастеров зала знали, что он был опытным практиком. Они призвали своих учеников отступить, разорвали монашеские одежды и сделали строй из восемнадцати архатов (обычно так окружают воров или злоумышленников, чтобы убить), поклявшись убить его здесь.

Он вытер губы и презрительно рассмеялся. Одним движением кончика пальца старший, который возглавил строй, пролетел несколько футов, и когда он выставил ладони вперед, оставшиеся семнадцать человек почувствовали, как сокрушительная волна воздуха врезалась в их тела, заставляя их изрыгнуть кровью.

О таких непостижимых боевых искусствах можно было слышать только в древних легендах.

Чжишэн махнул рукавом и привлек к себе восемнадцать человек. Как только он протянул руку, давление тысячи рук Татхагата (почетный титул Будды) надавило на его ладонь и сотворил проклятого "злого зверя".

Чжоу Юньшэн рассмеялся и отвесил ему пощечину.

Оглушительный рев, сопровождаемый пылью, пронесся по храму, отрывая деревья, кирпичи, черепицу и другие предметы.

Этих двоих можно назвать лучшими игроками в мире. Простая ладонь также могла создать такой большой импульс. Все присутствующие люди пришли в ужас, и они быстро защитили себя своей внутренней силой, чтобы их не подхватил ветер. Когда пески и камни постепенно рассеялись, двое мужчин все еще стояли на том же месте. Разница заключалась в том, что Демонический мастер улыбался, и его глаза были яркими, в то время как рот настоятеля был в крови, а его лицо было серым. Было очевидно, что у него серьезные внутренние повреждения.

Даже настоятель не является его противником, кто может контролировать его? Если бы он убил их сегодня, они исчезли бы из этого мира. Размышляя об этом, все монахи почувствовали холод в своих сердцах. Когда они увидели, что он направляется к храму, все они отступили назад и показали свою робость.

Чжишэн, наконец, не смог сдержаться и выплюнул полный рот крови. Неожиданно в престижном храме Шаолинь настал день, когда над ними издевались у их собственной двери. Это была настоящая потеря лица!

В этот момент мастер зала Дзен подошел и заговорил теплым голосом: "Благодетель Юй, Цзы Сюань шишу попросил бедного монаха сказать вам пару слов".

Эти монахи всегда называли его "Демоническим мастером", но вдруг появился человек, назвавший его "благодетелем", так же, как и Цзы Сюань, и холод в глазах Чжоу Юньшэна слегка рассеялся. Он замахал руками: "Тебе не нужно ничего говорить, пусть он сам выйдет и поговорит со мной!".

"Шишу не может с вами увидеться". Мастер залов Дзен спустился по ступенькам, помог Чжишэню вернуться во дворец Дасюн и положил его на молитвенный коврик.

"Почему я не могу его увидеть?", - улыбнулся Чжоу Юньшэн.

"Шишу чуть не умер, потому что встал на путь дьявола. До этого его кровь и истинная ци шли противотоком и почти заставили его взорваться. Если он увидит вас, а затем его демоны снова воскреснут, тогда никто не сможет их подавить. Также я прошу благодетеля Юя помнить, что ради спасения вашей жизни шишу подверг свою жизнь опасности. Не встречайся с ним больше!".

Чжоу Юньшэн на мгновение замолчал, а затем решительно крикнул: "Нет, я должен его увидеть!". С презрительным смехом он сказал: "Вы были бы правы, если бы попросили меня спасти ему жизнь. У меня есть более глубокая внутренняя сила, чем у него, которая может помочь ему выдохнуть и контролировать свою истинную ци. С вашей маленькой внутренней силой даже десять человек, работающих вместе, не помогут ему устранить скрытые опасности, но я могу. Если вы не хотите, чтобы он умер, просто отдайте его мне!".

Знание о наличии “слабой внутренней силы” заставило нескольких старейшин смутиться. Мастер зала Дзен некоторое время молчал.

Он прав. Глядя на факты, единственным человеком, который может помочь Цзы Сюаню подавить истинную ци, был он. Если бы он это сделал, то Цзы Сюань мог бы немедленно восстановиться, как и раньше, что было гораздо лучше, чем отказаться от боевых искусств и переобучение.

Но он был дьяволом в сердце Цзы Сюаня. Бог знает, не сойдет ли Цзы Сюань с ума, когда увидит его, а затем и вовсе полностью потеряет рассудок.

В зале воцарилась тишина. У Чжоу Юньшэна не хватило терпения ждать ответа, поэтому он двинулся в направлении зала мастера Дзен.

Они не хотели его видеть, и то же самое хотели для него. Сегодня он ни перед чем не остановится, чтобы не забрать монаха.

В этот момент из пустоты раздался глубокий голос: “Амитабха Будда, благодетель Юй, пожалуйста, уходи скорее”.

“Цзы Сюань?”, Чжоу Юньшэн был ошеломлен. Он не мог поверить, что после всего, что произошло, этот человек выгоянет его с таким безразличием. Он стиснул зубы и пошел дальше, его шаги становились все быстрее и быстрее.

Ученики зала Дзен бросились преграждать ему путь, но он оттолкнул их. Он был так зол, что совсем не сдерживал свою силу. Он ударил нескольких слабых учеников, и они чуть не умерли.

“Если ты не выйдешь, я сегодня же уничтожу храм Шаолинь!”. Закричал он.

Монахи были вынуждены отступить, зная, что у него должны быть силы, чтобы привести эти жестокие слова в действие, и на их лицах не могла не отразиться печаль.

Цзы Сюань помолчал и мгновение спустя вздохнул: “Этот бедный монах и храм Шаолинь продвигаются и отступают вместе. Если ты уничтожишь храм, этот бедный монах будет сражаться с тобой до конца”. Слова на мгновение прервались, и тон безразличия и отчуждения выпустил намек на подавленную дрожь. “Но если ты сможешь дать обет, бедный монах может увидеть тебя”.

“Какой обет?”, - нетерпеливо спросил Чжоу Юньшэн.

“Положи нож мясника и стань Буддой. Если ты пообещаешь бедному монаху, что больше никогда в этой жизни не совершишь преступлений, и будешь соблюдать этот обет в течение десяти лет, то бедный монах увидится с тобой примерно через десять лет”. К тому времени все, что должно быть забыто, будет забыто, и все, что должно быть рассеяно, исчезнет. Точно так же, как утренняя роса и цветы, они могут существовать только в одно мгновение, они не могут длиться вечно и не могут попрощаться.

Чжоу Юньшэн сначала был ошеломлен, затем поднял глаза и рассмеялся с иронией. Чем громче он смеялся, тем больше слез бессознательно проливал.

Это действительно его любовник? С его постоянной любовью, вместе в жизни и смерти, зависящие друг от друга целую вечность? Он заставил его поклясться никогда не убивать, но в его нынешней ситуации он сам был вынужден умереть. Однако тот был таким легким и

равнодушным, что ему казалось, что его жизнь - всего лишь пыльная буря, которую можно стереть легким движением рукава.

Цзы Сюань был взволнован его горьким смехом. Он мгновенно применил фундаментальный закон Чжэньян, чтобы стабилизировать свой разум. Его глаза покраснели и потемнели, но в конце концов он пришел в себя, и его глаза наполнились стоячей влагой. Он спросил: "Согласится ли благодетель?".

Чжоу Юньшэн рассмеялся и сказал вслух: "Хорошо, я тебе обещаю! Я клянусь, что сложу свой мясницкий нож и стану Буддой. Я никогда не отниму ни чьей жизни, иначе я никогда не встречу тебя ни на небе, ни на земле".

Он почувствовал, что его подбородок был холодным и влажным, поэтому, когда он прикоснулся к нему, то обнаружил, что плачет. Он усмехнулся своей слабости и без колебаний ушел. Любовь в его глазах постепенно превращалась в мороз.

Когда он вышел из ворот храма, он повернулся, чтобы посмотреть в направлении пещеры Дхармы, и сказал в своем сердце: "Пришло время тебе понять, каково это - сложить нож мясника в этом мире и стать Буддой. Я уничтожу твою невинность и убеждения одно за другим".

Фраза "небо и земля, поколение за поколением, никогда не встретятся друг с другом" были подобны заклинанию, которое поразило разум Цзы Сюаня, и он больше не мог сдерживаться, чтобы не выплюнуть полный рот черной крови.

Он прикрыл свое сердце и почувствовал, как будто его выкапывают, и боль была невыносимой.

Он пожалел об этом почти в тот момент, когда голос мужчины стих!

Однако в мире нет лекарств от сожаления. У него не было места для перемен, кроме как действовать в правильном направлении.

В трансе он вспомнил буддийскую поговорку: в жизни, посреди терний, ваше сердце не будет двигаться, вы не будете двигаться, вам не будет больно; если ваше сердце движется, вы будете двигаться, причиняя боль своему телу и костям, вы испытаете все виды боли в мире.

Теперь, когда он погрузился в море страданий, только забвение было настоящим спасением.

<http://bllate.org/book/14189/1250610>